

*Ребятам и девочкам, вступившим во
взрослую жизнь вместе с Войной, посвяща-
ется....*

«Юрка, вставай!» – из-за занавески, отделяющей в большой комнате ребячий уголок с деревянным топчаном и двумя табуретками, раздался глуховатый, с хрипотцой, голос.

Дядя Веня, родной брат Юркиной матери, не только дал возможность квартироваться у себя племяннику, но и поспособствовал в его трудоустройстве на завод после окончания ремесленного училища.

С завистью посмотрев на укрывшегося с головой спящего двоюродного брата – школьника, Юрка сел на топчан, потряс головой, разгоняя тяжёлый сон, а затем быстро, чтобы не растерять ночное тепло, одел лежащие на табурете ватные брюки, старенький отцовский свитер и гимнастерку с нарукавной эмблемой ремесленного училища. Свернув и закинув в изголовье топчана одеяло из кусков старого ватина, заправленное в пододеяльник, сшитый матерью из разноцветных лоскутов материи, пробежав на цыпочках, запрыгнул в сушившиеся у

печки валенки. Мельком взглянул на висевшие над столом ходики. Четыре часа то ли еще ночи, то ли уже утра.

Дядя Веня уже сидел за столом, в центре которого стоял вскипевший чайник, алюминиевые кружки, а на чистой тряпочке аккуратно лежали разделённые на три части два суточных пайка чёрного хлеба. Это был по военному времени самый большой паёк в четырёхста граммов, который полагался работающим на военных заводах.

Взяв третью часть своего пайка, они положили на него по кусочку сала и, запивая кипятком эту вкуснятину, начали завтракать. Сало Юрка привёз из последней поездки к матери, которая ухитрилась на отходах станционного буфета, где она работала уборщицей, и картошке с собственного огорода выращивать поросёнка. Закончив чаепитие, завернув в тряпочку и рассовав по карманам брюк оставшиеся у каждого по два кусочка хлеба, они начали одеваться.

На часах половина пятого. Надо выходить на работу. За

небольшим, густо покрытым инеем оконцем угадывалась сплошная темень, по выстуженной за ночь комнате можно было предполагать, что на улице крепенький, градусов под сорок, мороз.

Натянув на головы шапки-ушанки и перевязав ремнями телогрейки, вышли на крыльцо. У Юрки от морозного воздуха перехватило дыхание; мороз в январе 1943 года не отпускал уже третью неделю.

Наклонив голову и спрятав лицо в завязанный у горла поверх телогрейки шарф, Юрка шёл, стараясь попадать шаг в шаг за идущим впереди дядькой, и ему это удавалось. Парень он был высокий, на семнадцатом году, физически крепкий. Спустившись под гору, Юрка начал чувствовать, что согревается.

Воображение перенесло его в родной дом, к маме, сестрёнке и брату. Сестрёнка училась в младших классах, братишка до школы немного не дорос. Отца у них не было, он умер ещё до войны, как говорила мама, от сердечной болезни. Юрка в предвоенный год закончил семилетку, и они с матерью решили, что не вытянет она одна троих ребятишек, ему придётся приобретать рабочую профессию и помогать семье. Поехали в город посоветоваться к её брату, да там он и остался.

А тут нагрянула война, и знающие люди говорили, что скоро в город начнут эвакуировать заводы из центральной части страны. Слухи подтвердились начавшим прибывать уже в конце 41 года заводским оборудованием с рабочими и специалистами. В спешном порядке были проведены геодезические

работы по разбивке промышленных площадок. Одна из них предназначалась под строительство крупного машиностроительного завода на базе оборудования, эвакуированного из Сталинграда и Харькова. Какую продукцию он будет выпускать – знал небольшой круг посвящённых, и в народе его сразу прозвали «номерным» (что потом подтвердилось официально присвоенным ему названием «77 завод»).

Глубокой осенью 1941 года в городе было открыто ремесленное училище. Юрке к тому времени исполнилось пятнадцать лет, возраст и семилетнее образование позволяло ему поступить в группу станочников широкого профиля. Учебные мастера были набраны в училище в основном из числа эвакуированных пожилых и опытных рабочих, которые знали своё дело.

Юрке нравилось училище, уже на первых занятиях он начал чувствовать, что это его дело. Как парень из многодетной семьи, без отца, он учился на полном государственном обеспечении: форменная одежда, трёхразовое питание, проживание в общежитии.

А между тем строительство эвакуированных заводов шло полным ходом. На 77 заводе в некоторых цехах в августе 1942 года начат монтаж оборудования. Ощущалась нехватка рабочих, поэтому приняли решение досрочно выпустить из училища первую группу станочников: токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков. Попал в эту группу и Юрка. В связи с окончанием училища его «попросили» из общежития. Так он и стал квартирантом у дяди Вени.

Рабочий день на заводе начи-

нался с семи часов, а жил дядя Веня в нагорной части, ближе к высокому берегу Оби. До завода пешком не менее двух часов ходьбы, а если с вечера пойдет снег и надует сугробы, то еще прибавляй час. Никакого общественного транспорта в городе не было. Если повезёт, может подобрать какой-нибудь добряк на санях.

Путь до 77 завода пролегал по нечищенным стылым улицам вначале под гору, потом мостиком через небольшую одноимённую с городом речушку положим подъёмом в направлении к железнодорожной выемке. Пройдя её по пешеходному мосту, недалёко оставалось и до заводской проходной. Деревянная, сбитая из нестроганых досок, она напоминала Юрке школьный туалет. Пройдя строгих, не прощающих ни минуты опоздания контролёров из числа бойцов военизированной охраны, они с дядей Веней разошлись.

Дядька работал в кузнице, а Юрка во втором механическом цехе. «Да, дядя Веня-то в тепло идёт, а мне снова в холод, может, чуть теплее, чем на улице» – подумалось ему. Второй механический строительством не был закончен. Земляной пол, плохо подогнанные друг к другу горбыли на крыше, не утеплённые окна в стенах. Главные ворота цеха то и дело открывались для подачи заготовок и вывоза готовых деталей. Единственный внутрицеховой транспорт – ручные тележки под одного и двух человек и межцеховой – конные телеги-короба и те же ручные тележки, только осью повыше, что позволяло перетаскивать их более сподручно по межцеховым проездам. Отопления в цехе не было, его

роль исполнял десяток металлических бочек, стоящих вдоль помещения, в которых поддерживался огонь. В качестве топлива использовалась угольная мелочь, затаренная в высокий ларь при входе в цех. Минусовая температура в нём держалась с момента его запуска в ноябре прошлого года. Тепло поддерживалось только в отгороженном расточном отделении, будочке сменного мастера и начальника участка, где приютилась еще и табельщица, а также в помещении для контролёров. Там стояли «козлы» – незамысловатые электрообогреватели, сделанные из намотанных на асбестовые трубы специальных, каких-то «нихромовых» проводов, как их называли цеховые электрики. От этих конструкций на подставках шло хорошее тепло, и заходящие по делам в такие помещения не очень торопились оттуда выходить.

Зайдя в цех, Юрка подошёл к раздевалке, нашёл под своим табельным номером крючок-вешалку, вытащил из висящего на нем мешочка резиновые калоши и натянул их на валенки. Говорят, сам директор дал задание снабженцам закупить их для всех работающих в цехах, чтобы на валенки не натаптывалась цеховая грязь, эмульсия, машинное масло. В общем, здорово выручали калоши, хотя бы ноги в портянках в сухих валенках были в тепле.

Ну а дальше всё по заведённому порядку. Отметил у табельщицы выход на работу, подошёл к своему станку и поздоровался со сменщиком, таким же «ремеслухой», как и он. Осмотрел станок: убрана ли стружка из поддона, протёрт ли станок, смазаны ли машинным

маслом все его движущие части? Сменщик положил в специальную тару готовые детали, понёс их в будку контролёров, где орудовали своими измерительными скобами и пробками две смазливые девчонки. Их смена тоже заканчивалась, и они спешили передать сведения о принятых и забракованных деталях наряднице и сменному мастеру. Усталость от бессонной ночной смены давала знать, но они нет-нет да и постреливали глазами из-под повязанных по заводской моде платков на парней приходящей и уходящей смены, особенно на тех, кто постарше, демобилизованных с фронта по ранению или другим обстоятельствам.

Юрка по малолетству в зону их внимания не входил, да и они его пока не очень интересовали. Стоит, кстати, заметить, что цеховые девчонки работали не только контролёрами, но и на станках шлифовщицами, мойщицами деталей, на других пригодных для девичьих рук работах.

Глянул на часы, висевшие на будке сменного мастера. До 7 утра – начала смены, оставалось ещё несколько минут для того, чтобы подвезти заготовки, заправить инструмент и приноровить решётку для ног под себя. Ровно в семь он включил станок, вставил в патрон заготовку, и первая стружка зажурчала из-под резца. Рабочий день начался. Было зябко. Сквозь щелистую крышу и неплотно пригнанные оконные переплеты залетали и кружились по цеху снежинки.

Юрка почувствовал вползающий за ворот телогрейки холод. Нагретое ночной сменой тепло от работающего оборудования

быстро улетучивалось, и нужно было двигаться, чтобы согреться. Подойти и погреться у открытого огня в бочках можно было только во время коротких пятиминуток, отведённых для того, чтобы сбежать по нужде или размяться.

Однообразные движения рук, монотонный гул, в котором сливались шум работающего оборудования, потрескивание топлива в металлических бочках, еле слышные голоса или обрывки мелодий из выведенной на полную мощность тарелки репродуктора на будке мастера, подвывающие порывы ветра, доносящийся с улицы скрип подъезжающего к цеху и отъезжающего гужевого транспорта и ритмичное уханье молотов в кузнечном цехе – всё это постепенно погружало Юрку в полусонное состояние. Хотелось закрыть глаза и уйти воображением в какое-то другое мысленное пространство. Чтобы совсем не выключилось сознание, Юрка заставлял себя думать о чём-нибудь интересном в его короткой жизни. Самыми приятными воспоминаниями было его детство, мама, брат с сестрой, друзья и просто одноклассники... Беззаботное довоенное детство. Дом с кухней и комнатой, в которой занавеской выгорожен небольшой мамин уголок – спальня. В сильные холода Юрка занимал с братом на ночь русскую печку на кухне. Закуток на печке был самым тёплым местом в доме, почти до самого утра отдававшим накопившееся тепло после вечерней топки.

Тема, к которой он часто возвращался в своих размышлениях – возможный призыв в армию по исполнению 18 лет. Он хотел на фронт и сильно боялся, что война

закончится без него. Юрка смутно представлял себе фронтную жизнь и пытался поговорить о ней с демобилизованными по ранению или болезни фронтовиками, работающими в цехе. Их было немного, и вокруг них не без их участия создавался ореол загадочности. На расспросы «как там?» молчали или отвечали односложно: «Попадешь, сам узнаешь». Да и вообще замечал Юрка, что пришедшие с войны солдаты, с которыми ему приходилось общаться, не любили вспоминать войну и себя в ней...

А готовые детали одна за другой выходили из-под его рук; специальным крючком всё чаще приходилось вытаскивать из поддона стальную стружку. Стало немного теплее, день выходил на свою первую половину, солнечные лучи, проникая через окна в цеховое пространство, веселили душу.

Наконец, тара под готовые детали заполнилась, пришла пора нести её контролерам на проверку и отправляться за новой партией заготовок. Попутно, используя свою первую положенную пятиминутку, выбежал на улицу в туалет, погрел руки у одной из бочек, подошёл к станку, вставил в патрон новую заготовку, и все закрутилось в прежнем ритме.

Приближался долгожданный обеденный перерыв. У Юрки уже засосало под ложечкой. Обеденная порция пайкового хлеба лежала у него в кармане ватных брюк. Рука так и тянулась отщипнуть и закинуть в рот кусочек. Но нет, отогнал Юрка эту грешную мыслишку. До обеда ещё больше часа, а есть без хлеба орсовский* суп в столовой

* ОРС – отдел рабочего снабжения завода.

невкусно и несытно. Надо было ждать.

По проходу между станками, с трудом передвигая большие ноги, медленно шёл сменный мастер участка, пожилой еврей с симпатичной короткой фамилией Фрид. Эвакуированный из Харькова в конце сентября 1941 года, на заводе он был одним из первых мастеров своего дела. В цехе его уважали за спокойный характер и незлобивость. Месяц назад он получил похоронку на среднего сына. Воевал и его старший, и отцу оставалось только надеяться, что лихая доля обойдет его и хотя бы он останется живым в этой мясорубке. При всей присущей его характеру доброте, он был требователен в деле. Плохо убранный станок, болтание по цеху в рабочее время, брак – на это он реагировал жёстко, находя, как правило, не выходящие за пределы участка меры воздействия.

Если то или иное происшествие становилось известным начальнику цеха, и тот в свойственной ему грубоватой манере спрашивал: «Ну что там у тебя? Опять покрываешь?», Фрид твёрдо отвечал: «Разберёмся сами». И в подавляющем большинстве случаев действовало. Но две провинности не скрывались и наказывались жёстко. За опоздание на работу отбирали на проходной пропуск, и запускался механизм ответственности вплоть до судебного преследования. Вторая провинность – брак. За брак самое лёгкое наказание – денежный вычет стоимости заготовки и штраф за некачественную работу.

Срывая суточных или месячных заданий, крупных поломок оборудования или, не дай бог, наме-

ренного вывода его из строя в цехе не было, опоздания или прогулы были крайне редкими явлениями.

Мастер остановился около Юркиного станка, положил руку на его плечо и сказал: «Послушай, Юрок, контролёрша забраковала у тебя две детали. Посмотри, можно ли исправить. Иначе буду отмечать в суточном рапорте. И ещё, ты не забыл, что сегодня твоя очередь после обеда идти на стройку?» Юрка не забыл. Вся неместная молодёжь ждёт не дожждётся, когда закончат начатое в декабре прошлого года строительство общежития недалеко от завода и не нужно будет снимать квартиры или жить у родственников в городе, а самое главное, не нужно будет терять по столько часов в день на ходьбу на завод и обратно. Мысль о послеобеденной работе на стройке пришла и ушла, а вот приближающийся обед «раскручивал» желудок нетерпеливыми ожиданиями. Но до обеда нужно еще посмотреть, что можно сделать с забракованными деталями. Зашёл к контролерам, девчонки с выражением значительности на молоденьких личиках отдали ему брак, сказав при этом, что, по их мнению, он исправим. Контрольные скобы по одной из шеек валика «не слабили», а, наоборот, были «тугими». Значит, можно было аккуратно заправленным резцом осторожно снять стружку так, чтобы вогнать поверхность в нужный размер. Что он и сделал. Контролёрша проверила, одобрительно кивнула, и Юрка, загнав в патрон новую заготовку, продолжил. Дообеденную норму нужно было выполнять.

Наконец, стук железякой по

повешенному рельсу возвестил о начале обеденного перерыва. Цех загудел, зашевелился, как маленький муравейник. Обгоняя друг друга, народ поспешил к умывальникам, у которых уже выстроились очереди. Принесли из тёплого помещения несколько ведер воды, разбили ледок в умывальнике, залили её туда, и пошёл стук от поднимаемых и опускаемых «сосков».

Юрка быстро убрал станок (сегодня в цех он уже не вернётся), а затем отправился к умывальнику. Очередь к тому времени рассосалась, и, быстро помыв руки и протерев их ветошью, он поспешил на обед.

В помещении столовой стояли сколоченные заводскими столярами деревянные столы и лавки вдоль них, а в углу на подставке – большой чан с горячим супом. Им заведовал Егорыч, хромоногий, лет за тридцать мужчина, который был в большом «авторитете» у рабочих. Сноровисто, отработанными движениями он одной рукой брал с приставного стола алюминиевую чашку, а второй – половником наливал в неё суп. Там же стоял тазик с головками чеснока и крупно нарезанным луком.

Очередь двигалась быстро. Юрка, накалывая на торчащий на подставке штырь свой талон на обед, ревностно наблюдал, чтобы его не обделили ненароком, чтобы картошки и перловки в его чашке было не меньше, чем у других. Взяв руки свою порцию, бросил в неё лук и двинулся к столу. Чашка чувствительно обжигала – пришлось поставить её на первое попавшееся место. Достав из-за голенища валенка ложку, а из кар-

мана обеденную порцию хлеба, Юрка не спеша, подражая окружающим его взрослым мужикам, принялся за обед. В желудке разлилась приятная теплота, всё тело откликнулось на неё ощущением если не наступающей сытости, то уж, по крайней мере, удовлетворения от процесса. Но, как не тяни приятные минуты, а на обед отводилось всего полчаса, за которые ему ещё нужно дойти до стройки. Завидую тем, кто остаётся в цехе да еще имеет несколько минут, чтобы вздремнуть, прислонившись к тёплой стенке будки мастера, Юрка двинул к проходной. Выйдя за неё по специальному вкладышу в пропуске, он поднял голову, нашёл в вымороженном небе размытый солнечный диск и улыбнулся. До стройки было всего десять-пятнадцать минут ходу, но и они давали приятное ощущение внутренней свободы «человека за проходной».

Почему-то опять вспомнился родной домик, заваленный, наверное, по крышу снегом. Подумалось и о том, кто же пробивает дорогу от крыльца к стайке, где зимуют коза да штук пять кур. «После получения обязательно поеду к маме, помогу почистить двор, да и денег немножко привезу ей» – подумал Юрка.

Строительство заводского посёлка развернулось на огромном пустыре, который, никогда не распахивался. Земля там была плотной, настоящей целиной. Это облегчало стройку, ведь бараки для семейных и общежития для одиноких и молодежи не имели фундаментов. Их заменяли листовые коротыши, устанавливаемые в уплотнённую землю. После окончания строительства

по оттаявшей земле сооружали заваленки. Работы вела та же строительная организация, что строила завод. Несмотря на жёсткий график ввода последнего оборудования, прибывшего в сентябре 1942 года из осаждённого немцами Сталинграда, строителям была поставлена задача в короткие сроки построить жильё для всех в нём нуждающихся заводчан, используя их труд на подсобных работах. Посёлок строился на скорую руку и возводимые бараки были рассчитаны на временное проживание.

«Разбавленные» привлечённой из цехов молодежью бригады строителей, несмотря на вторую подряд суровую зиму, возводили посёлок, опережая сроки. Юрка и все, кто по своему основному месту работы считались основными рабочими, от которых зависело выполнение плановых заданий, привлекались два раза в неделю либо в первую, либо во вторую смены, а в выходной – на полный рабочий день. Все они стояли в очереди на получение жилья или места в общежитии и были ой как заинтересованы в скорейшем завершении стройки.

Стройплощадка представляла собой большой пустырь, границы которого были обозначены с осени вбитыми кольшками. К дальнему концу участка примыкал «нахаловка» – вырытые осенью теми из эвакуированных, кому совсем было некуда деваться, землянки с торчащими из них трубами. Люди в них обжились, было тепло, а к тесноте и бытовой неудобнице постепенно привыкли.

По периметру будущего посёлка и вблизи строящихся бараков стояли столбы с фонарями, что

позволяло работать и в долгие зимние сумерки.

Конструкция барakov была простой. Деревянный каркас из бруса обшивался снаружи и изнутри плахами, а пространство между ними засыпали опилками, горелой землей с литейного цеха, глиной пополам с песком, привезённой с карьера кирпичного завода – в общем, тем, что окажется в наличии. Печники ставили печи голландки, крыши делались двухскатными. Стены подготовленных к заселению барakov уже самими будущими жильцами затирались глиной вперемежку с соломой, белились известью. У каждого барака был туалет с выгребной ямой и небольшая сарайка под дрова с ящиком для угля.

Отметив прибытие у строительного мастера, Юрка пошёл в свою бригаду, где старший определил ему на эту смену задание – таскать с таким же как он «присланным» доски для стен, подтаскивать на носилках и засыпать в стены опилки или другой «утеплитель».

Доски были сырыми, тяжёлыми, а опилки, глина с песком, да и горелая земля – смёрзлись в комки, которые перед засыпкой приходилось разбивать ломиками с оттянутыми в заводской кузнице концами.

Пока стены росли до уровня груди, пространство между плахами засыпали лопатами, а дальше один нагружал, а второй засыпал его ведром. Работа, конечно, незатейливая, но тяжёлые сырые пятиметровые плахи-сороковки и носилки со смерзшейся землей и опилками оттягивали руки. Через часок начинала ныть спина, заплетаться ноги. К вечеру опять крепчал мороз, но если удавалось

по ходу дела заскочить в теплушку погреться, мастер тут как тут: «Греться надо работой, зелёные вы мои. Не хрен (это было его самое ласковое выражение) через каждые полчаса к теплушке притираться. Положен сугрев через час, вот тогда и заходи. Давай по местам». В таких случаях Юрка вспоминал добрым словом сменного мастера Фрида, терпеливо относившегося к мелким провинностям. Без возражений они с напарником снова плелись к своим плахам. Было, однако, обидно, ведь к своим рабочим мастер не придирался, давал им возможность «вне графика» покурить и позубоскалить в тепле.

К семи часам вечера смена, наконец, закончилась, и стройплощадка быстро опустела. Остались только сторожа, но им в теплушке, думал Юрка, было неплохо нести службу. Путь домой у него был длинный, попутчики как-то незаметно стали исчезать. Мужики постарше зашли по дороге в «стойак» выпить по сотке перед домашним ужином.

До дома он добрёл уже из последних сил. Толкнул в дверь валенком, подождал минуту, собрался было постучать кулаком, но дверь открыл дядя Веня. «Заходи, потеряли уже тебя, время-то девять. Я уж думал, что ты не пошел домой, а вернулся на завод да завалился спать где-нибудь в тёплом месте. Давай ужинай, да будем ложиться».

Бывали у них с дядей Веней такие ситуации, когда на улице разыгрывался буран, и идти домой было не только тяжело, но и опасно. И тогда они оставались до утра вдвоём в его тёплой кузнице.

Юрка зашёл в комнату, исполняющую роль и прихожей, и кухни, медленно как бы нехотя стащил шапку, телогрейку, ватные штаны, снял и поставил у печки валенки. Натопленная на ночь квартира охватила его своим теплом, он прошёл к топчану, где уже спал его брат, и сел на краешек, раздумывая, что ему больше хочется – есть или спать? Веки его глаз неодолимо смыкались... Он завалился на топчан, укрылся своим ватным одеялом и сразу же уснул. Прошёл ещё один день, который ничем не отличался от других прожитых им в его новой жизни.

Уже окончательно проваливаясь в сон, он увидел себя в родном доме за кухонным столиком. Пред ним лежали две утренние порции хлеба, накрытые кусочками сала, кружка свежесваренного подбеленного молоком чая и колотый сахар. Рядом с ним, подперев голову ладошкой руки, сидела мама и говорила: «Ешь, сынок, ешь, ты ведь не ужинал». А под самое утро ему приснилась девчонка-контролёрша, забраковавшая у него детали. Сидела она почему-то в сатиновой кофточке, без платка и улыбалась, заглядывая Юрке в глаза. А он, нечаянно, задев локтем её остренькие груди, схватил со стола свои детали и выбежал, ногой закрыв за собой дверь будки...

Весной он перебрался в общежитие, и времени для отдыха и личных дел у него стало больше. По субботним вечерам ходил на танцульки, куда его приглашали девчонки из цеха. Да и зарабатывать стал побольше, что для него было немаловажно. В сентябре 1944 года Юрке исполнилось 18 лет, и он пошёл в военкомат с заявлением о призыве в армию. Ответ был короткий: «Иди, скоро получишь ответ».

И, действительно, в октябре 1944 года его призвали, направив в пехотное училище одного из сибирских городов на трёхмесячные курсы подготовки сержантского состава. Программа обучения была жёсткой. Первый месяц ему казалось, что он не выдержит, а работа на заводе возвращалась к нему воспоминаниями лучшей в его короткой жизни страницей. Командирами учебных взводов и отделений были побывавшие на фронте офицеры и сержанты. Ох, и давали они новобранцам «жару». Дневные занятия в классах, строевая подготовка на плацу, наряды в караулы «через день на ремень», полевые занятия, маршброски, стрельбища – этим заполнялся день курсанта от подъема до отбоя, по 16 часов в сутки. Обид у курсантов на отцов-командиров было много, но только попав на фронт, они поняли, сколько молодых жизней спасают на фронте суровая дисциплина, пот и мозоли учебных частей.

В конце января 1945 г. Юрка закончил курсы, и в звании младшего сержанта был отправлен в одну из дивизий Первого Белорусского фронта. Дивизия без передышки, взламывая упорное сопротивление немцев, стремилась к Берлину. Вскоре Юрку назначили командиром отделения в дивизионной разведке, и несколько месяцев он практически не выходил из боя. В конце апреля 1945 года в ходе наступления в предместье Берлина Юрка был тяжело ранен в голову.

День Победы встретил в медсанбате, время от времени приходя в сознание. Из-за тяжести ранения его перевели в один из госпиталей в составе Группы советских войск в Германии.

Осенью демобилизованный подчистую из армии инвалид I группы сержант Юрий Иванов воинскими эшелонами проехал пол-Европы и треть Азии, и вернулся в свой родной дом...

В свои девятнадцать лет он не мог уже жить без помощи близких. Кружилась и болела голова, часто случались обмороки.

Солнечным утром 9 мая 1946 года Юрка попросил мать достать из сундука и отгладить свою сержантскую форму, как мог надраил суконкой и зубным порошком пряжку солдатского ремня, почистил каждую пуговицу на гимнастёрке, подложив под них картонку со специальным вырезом, прикрепил медали «За отвагу» и «За взятие Берлина». Последнюю медаль ему вручали уже в госпитале. На все это у него ушло не меньше часа. Армейские кирзачи он не надевал – опухли ноги. Мать приспособила ему для носки старые резиновые сапоги с обрезанными голенищами.

Вышел на крыльцо, где мама заранее подстелила половик, сел на него, оперевшись на привезённый из госпиталя немецкий костыль с удобной ручкой. Это был его единственный военный трофей. Положив голову на обе руки, держащие костыль, смотрел на двор, где начала зеленеть трава-мурава; на кривую улочку, выходящую от его дома на одну из центральных улиц посёлка; на зацветавшую черемуху и темневшую вдали кромку соснового бора. День был погожий. Солнце поднималось всё выше, его лучи несли с собой весеннее тепло. На прибитый к стайке скворечник прилетал скворец, приносил досиживающей на яйцах последние дни скворчихе личинки и червячков, а

из скворечника выбрасывал отходы их птичьего быта. Суетливые воробьи то и дело ныряли к своим птенцам в стрехи между буграми старого шифера и начинали беспокорно гомонить, когда сорока усаживалась на крышу, и, вытягивая шею, пыталась высмотреть птенца, и если повезет, вытащить его на растерзание. Брат с сестрой убежали в школу, мама хлопотала по своим делам в доме. В стайке жалобно бляла коза, выпрашиваясь на улицу.

Ничего не оставлял Юрка без внимания, как будто чувствовал, что видит это в последний раз. Так оно и случилось. Сильнейшее кровоизлияние в мозг поставило точку в его недолгой жизни...

Юрку не стали раздевать, в отстиранной и отглаженной фронтовой форме положили на стол. Похороны назначили на завтра.

Пришли соседи, несколько оставшихся в живых ребят-одноклассников и поселковые девчонки. Старик-сосед сделал гроб, другой сварил из найденных бог весть где кусков листового железа памятник со звездой на шпиле. Могилку выкопали быстро: мягкой была кладбищенская земля у кромки бора. В неё, родную ему землю, и положили Юрку. Ветками наломанной черемухи накрыли могилу.

Зашли в дом, выпили самогонки, закусив посоленными прошлой осенью капустой и огурцами, помянули добрым словом покойного, погоревали вместе с его матерью и тихо разошлись.

После похорон тётя Шура – Юркина мать – зачастила в церковь. О чём она просила Бога, только Ему и известно. А нам, жившим с ним, досталось хранить вечную память о таких, как Юрка, тружениках и солдатах Великой войны.